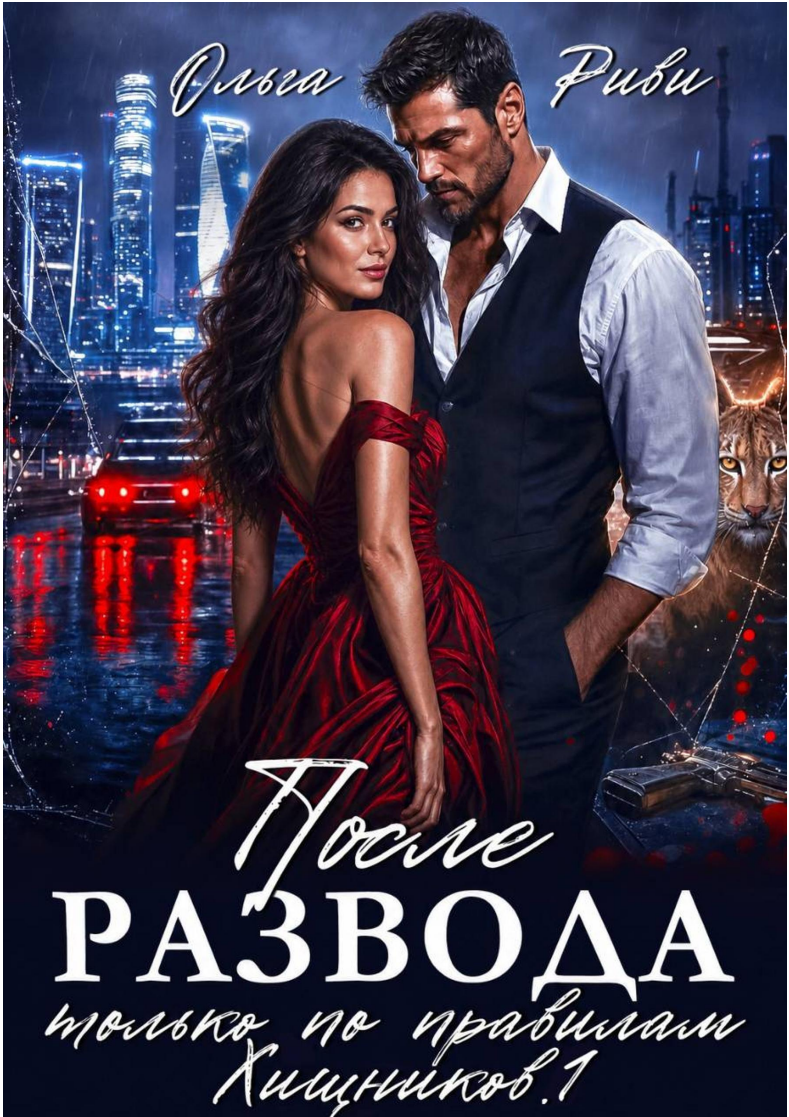

Ольга Риби
После
РАЗВОДА
только по правилам
Хищников.1

Ольга Риви

После развода только по правилам хищников. Том 1

https://litres.ru/74751364
SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать два года Елена Воронцова строила семью и бизнес, веря, что они с мужем одно целое. Но однажды случайное сообщение открывает страшную правду, что самые близкие уже распорядились её именем, будущим и жизнью. Без неё.

Предательство лишает Елену привычного мира, но не ломает её. В сорок три года она впервые решает не спасать семью любой ценой, не ждать чужого раскаяния и не просить вернуть ей место за общим столом. Она построит свой мир.

Но прошлое не отпускает её легко. Впереди опасные тайны, борьба за наследие, мужчины, привыкшие считать любовь правом собственности, и главный выбор снова стать частью чужой системы или наконец принадлежать самой себе.

В этом романе вас ждут:

сильная героиня, которая начинает заново после сорока;

путь от унижения к достоинству и независимости;

властные мужчины, ревность и опасное притяжение;

зрелая любовь, которой придётся научиться уважать границы;

эмоциональная расплата.

После развода только по правилам хищников. Том 1

Ольга Риви

После развода только по правилам хищников

Глава 1

«Что за чёрт?»

Сообщение от банка пришло в тот момент, когда я выбирала Григорию галстук на годовщину свадьбы.

Двадцать два года брака был достаточный срок, чтобы не спрашивать продавца, какой цвет подойдёт мужу. Я знала, что Григорий не любит яркого, мелкого рисунка и всего, что может показаться несерьёзным. Даже смеялся он сдержанно, будто веселье следовало заранее внести в повестку совета директоров.

Я держала тёмно-синий галстук и представляла, как вечером завяжу узел у него на шее. Телефон коротко звякнул.

«Ваш запрос на предоставление поручительства предварительно одобрен».

Я перечитала сообщение дважды, потом ещё раз, медленно, по словам. Никакого поручительства я не оформляла.

— Упаковать? — спросила продавщица и уже потянулась

за коробкой.

Я посмотрела на галстук, потом на ценник. Ещё минуту назад цена казалась обычной, а теперь почти неприличной.

— Нет, спасибо. Пока не надо.

— Цвет не подошёл? — Девушка участливо наклонила голову.

— Цвет прекрасный, а вот муж пока под вопросом.

Она растерялась и тут же сделала вид, что услышала нечто совершенно будничное. Наверное, в дорогом магазине быстро учатся не удивляться чужим семейным катастрофам.

Я оставила галстук на стойке и вышла.

На парковке моросил дождь. Я села в машину, положила телефон на руль и снова открыла сообщение. Дворники включать не стала, поэтому капли медленно затягивали стекло, отгораживая меня от людей с пакетами и зонтами.

Само слово «поручительство» меня не пугало. Я двадцать лет работала с кредитами, залогами, поставщиками и банками нашего предприятия. Когда мы с Григорием начинали, я могла ночью назвать дату платежа по лизингу, но забыть, что Наде утром нужна цветная бумага. Однажды я привезла дочери в школу финансовый отчёт вместо альбома для рисования. Надя тогда сказала, что корову на обороте баланса всё равно нарисует, а учительница попросила меня хотя бы убрать страницу с печатью.

Финансовую систему «Воронцовских полей» строила я. И потому знала, что банки могут ошибиться в обращении, ко-

миссии или одной цифре после запятой. Но чужое поручительство они случайно не одобряют.

Я позвонила Григорию. Он ответил после четвёртого гудка, и это тоже было привычкой.

— Да, Лена, — произнёс он сухо.

На заднем плане хлопнула дверь, затем раздался молодой женский голос.

— Григорий Павлович, машина уже ждёт. Мы опаздываем.

Он, видимо, прикрыл телефон ладонью, потому что шум стал глухим.

— Я занят. Что случилось?

— Мне пришло сообщение из банка о предварительно одобренном поручительстве. Номер договора там тоже есть. Может объяснишь?

Я прочитала сообщение дословно. Григорий замолчал.

Он умел молчать так, что на другом конце провода человек начинал оправдываться и признаваться в том, что он не делал. Этот приём работал на банкиров, поставщиков и детей. На меня он перестал действовать лет десять назад, просто раньше я не считала нужным ставить мужа в известность.

— Наверное, ошибка банка, — наконец сказал он.

— Какая удачная ошибка. И главное, очень своевременная.

— Финансовый отдел отправлял заявки. Могли перепутать номер телефона.

— Мой личный номер с номером юридического лица?

— Лена, не начинай, — в его голосе появилась привычная усталость человека, которому окружающие мешают управлять их жизнями.

Я прикрыла глаза. Эту фразу Григорий произносил всякий раз, когда разговор приближался к месту, где ему предстояло не распоряжаться, а объяснять.

— Я ещё даже не начинала. Пришли мне заявку и договор.

— Я сам разберусь.

— Гриша, поручительство оформляется на меня. Значит, разбираться буду я.

— Ты сейчас в магазине, за рулём или где-то ещё. Не надо обсуждать такие вещи на эмоциях.

— Я сижу на парковке. Эмоций здесь немного, если не считать дождя и желания задать тебе ещё несколько вопросов.

Женский голос снова прозвучал рядом, теперь совсем близко.

— Григорий Павлович, нам правда пора.

— Вечером поговорим, — бросил он и отключился.

Я несколько секунд держала телефон возле уха, потом положила его на соседнее сиденье и включила дворники. Чёрные щётки раздвинули воду, и мир снова стал виден.

Жаль, семейную жизнь нельзя было очистить двумя движениями рычага.

Домой я приехала раньше обычного. Наш загородный дом

стоял на холме и в дождь напоминал дорогую крепость с высоким забором. Когда-то я выбирала здесь каждую ручку и два месяца спорила с архитектором из-за кухни. Теперь комнат было больше, чем людей, а живых разговоров сильно убавилось, чем камер наблюдения.

На кухне Надя сидела на столешнице и ела сыр прямо из упаковки. Увидев меня, она вздрогнула и попыталась спрятать сыр за спину, будто я могла не заметить двести граммов российского, торчащие у неё из ладони.

— Тарелки в этом доме отменили? — спросила я, снимая пальто.

— Мам, ты сегодня рано, — осторожно сказала она.

— Это наблюдение, а не ответ.

— Я берегу воду. Экологическая ответственность, осознанное потребление и всё такое.

Я невольно улыбнулась. Наде было шестнадцать. Она носила старую толстовку, собирала волосы в кривой хвост и не обладала ни одним качеством, которое ценил её отец. Она не умела льстить, ненавидела деловые приёмы и при виде раненой собаки забывала обо всём. Григорий называл её несобранной, а Кирилл, наш старший сын, бесполезной. Я же считала дочь единственным человеком в нашем доме, который ещё не научился оценивать людей по степени их выгоды.

— Папа сегодня приедет? — спросила она, отломив ещё кусок.

— Обещал быть к ужину.

Надя хмыкнула:

— Тогда не приедет. Он всегда обещает, когда хочет быстрее закончить разговор. Если правда собирается приехать, говорит: «Пусть ужин будет в девять», как будто мы тут ресторан с плохими отзывами.

Я посмотрела на неё внимательнее.

— Ты давно это заметила?

— В прошлом году. Я даже проверяла. Семь обещаний и один папа за столом. Статистика не в его пользу.

Получалось, моя дочь давно изучила привычки Григория и сделала правильные выводы. А я, финансовый архитектор целого холдинга, упорно не могла сложить несколько очевидных фактов.

В прихожей хлопнула дверь. Кирилл вошёл, не сняв обуви. В двадцать пять он уже двигался как отец. Он шёл быстро, уверенно и с искренним убеждением, что грязные следы исчезают сами.

— Мам, хорошо, что ты дома, — сказал он, проходя на кухню.

— Судя по полу, хорошо не всем.

Он посмотрел себе под ноги, потом на меня.

— Потом вытрут.

— Кто именно?

Кирилл слегка нахмурился. Вопрос явно показался ему неожиданно сложным.

— Не знаю. У нас же убирают.

— У нас убирает человек, Кирилл. Не домовой с трудовым договором.

Надя отвернулась к окну, пряча улыбку. Сын решил не продолжать тему и положил на стол синюю папку.

— Мне нужны твои подписи. Пакет документов по новому комплексу. Папа попросил завезти, потому что сегодня всё надо отправить в банк.

Я не притронулась к папке.

— Почему документы привёз ты, а не юрист?

— Потому что я ехал мимо. Мам, там обычные формальности, обновление банковских карточек, согласие по старому кредиту. Ничего серьёзного.

Надя перестала жевать. Даже сыр, кажется, понял, что наступил ответственный момент.

Я открыла папку. Сверху лежало заявление на выпуск сертификата электронной подписи, а ниже согласие на обработку данных и несколько листов с цветными закладками возле строк для подписи. Последний документ Кирилл предусмотрительно положил оборотной стороной вверх.

Я перевернула его.

Дополнительное соглашение к договору поручительства.

Номер совпадал с тем, что был указан в сообщении банка.

— Вот это ты называешь формальностью? — спросила я, подняв глаза на сына.

Кирилл сел напротив и сцепил пальцы на столе. Он старался выглядеть спокойно, но слишком быстро постукивал

большим пальцем по костяшке.

— Мам, не надо сразу устраивать проблему. Это старый кредит, мы просто продлеваем обеспечение на переходный период. Папа всё проверил.

— Просто забыли пригласить меня и всё объяснить.

— Ты опять всё воспринимаешь так, будто тебя хотят обмануть.

— Моё поручительство оформили без моего ведома, Кирилл. Как именно мне это воспринимать? Как семейный сюрприз? А шарики будут?

Надя тихо спрыгнула со столешницы, прижимая к груди сыр.

— Я пойду. Мне не нравится градус вашего общения

Она быстро вышла, но дверь не закрыла. Я знала, дочь останется в коридоре. В нашем доме так выживали все, кому не предоставляли место за столом переговоров.

Кирилл пододвинул ко мне ручку.

— Просто подпиши, пожалуйста. Папа торопится, у него сегодня важная встреча с инвесторами.

— С Бережными?

Сын замер всего на мгновение, но мне хватило и этого. Об инвестиционной группе Арсения Бережного я знала. Переговоры шли третий месяц, хотя Григорий уверял, что обсуждается только кредитная линия.

— Значит, с Бережными, — спокойно сказала я.

— Я этого не говорил.

— Ты вообще редко говоришь прямо. Оставляешь пустое место, чтобы другие сами придумали удобную тебе версию, а потом всегда можно сказать, что тебя неправильно поняли.

Кирилл раздражённо откинулся на спинку стула.

— Вот поэтому отец и не хочет, чтобы ты участвовала в переговорах. Ты всё принимаешь близко к сердцу и начинаешь искать заговор там, где люди просто делают бизнес.

— Моя подпись тоже принимает такие вещи близко к сердцу. Особенно когда под ней оказываются чужие долги.

— Это делается ради холдинга. Ради всех нас.

— Тогда объясни, почему финансовый директор холдинга узнаёт о поручительстве из банковского сообщения, а документы ему привозит сын со словами «папа торопится».

Кирилл отвёл взгляд. На этот раз его молчание не было отцовским приёмом. Он просто не знал, что ответить.

Я закрыла папку и подвинула её обратно.

— Подписывать не буду. Отвези отцу.

— Мам, ты даже не прочитала остальные документы.

— Зато внимательно прочитала тот, который вы спрятали внизу.

— Его никто не прятал.

— Конечно. Он сам перевернулся от стыда.

Кирилл сжал губы. Потом взял папку, но вставать не спешил.

— Ты в последнее время очень устаёшь, — сказал он уже мягче. — Может, тебе и правда стоит немного отдохнуть?

Папа переживает. Мы все видим, что ты стала нервной.

Я посмотрела на сына. На его дорогие часы, подаренные отцом. На костюм, который сама выбирала ему к первому заседанию совета директоров. На складку между бровей, которая появилась у него совсем недавно и уже делала его похожим на Григория.

Говорил мой сын, но слова принадлежали не ему. Тот же ровный тон, та же уверенность, что моё несогласие было не позицией опытного специалиста, а всего лишь симптом, который можно вылечить отсутствием доступа к документам.

— Кто решил, что я устала? — спросила я.

— Не надо цепляться к словам. Это и так видно.

— Кому видно? Назови людей.

Кирилл прижал папку к груди, словно она могла его защитить.

— Папа считает, что тебе будет полезен санаторий. Или клиника. Всего на пару недель, может, на месяц. Ты выспишься, придёшь в себя, займёшься здоровьем.

— А пока я буду приходить в себя?

Он вздохнул, уже теряя терпение:

— Мы закончим сделку. Ты вернёшься, когда всё будет решено, и поймёшь, что никто не хотел сделать тебе плохо.

Он сказал это слишком быстро и уверенно.

Я поднялась из-за стола.

— Кто та женщина, которая сейчас рядом с твоим отцом?

Кирилл побледнел, но почти сразу взял себя в руки.

— Какая ещё женщина?

— Молодая. Во время нашего разговора она дважды напомнила ему, что они опаздывают. Обычно консультанты не дышат клиентам прямо в телефон.

— Наверное, это и была консультант.

— У консультанта есть имя?

Кирилл помолчал, затем нехотя ответил:

— Кристина Бережная. Она участвует в переговорах со стороны своего отца.

Фамилия ударила сильнее, чем имя.

Дочь инвестора. Молодая женщина рядом с моим мужем. Поручительство на мне. Сделка, которую собирались закончить, пока я буду восстанавливать душевное равновесие где-нибудь у озера под присмотром вежливых врачей.

Для одного вечера совпадений набралось слишком много.

— Ты знал о поездке? — спросила я.

Кирилл опустил глаза.

— Папа хотел сделать тебе подарок на годовщину.

— Месяц в клинике без возможности вмешиваться в сделку? Очень щедро. Другие мужья дарят серьги, но Григорий всегда мыслил масштабнее.

— Ты всё выворачиваешь.

— Нет, Кирилл. Я наконец перестала помогать вам заворачивать.

Он резко встал.

— Поговори с отцом. Я не хочу быть между вами третьим

звеном.

— Тогда не приноси документы, которые один из нас должен подписать, а второй хочет спрятать.

Я вышла из кухни и поднялась в кабинет. За спиной услышала тихий голос Нади.

— Брат, обувь сними. Хотя бы одну проблему сегодня можно решить без юриста.

Даже в тот момент я едва не рассмеялась.

В кабинете включила компьютер и попыталась войти в корпоративную почту. Пароль не подошёл. Я набрала его ещё раз, медленнее, проверяя раскладку.

«Неверные данные».

Позвонила системному администратору. Он не ответил. Через минуту пришло сообщение:

«Елена Сергеевна, прошу связаться с Григорием Павловичем».

Я перечитала его и поняла, что доступ закрыли не по ошибке. Ошибки не бывают настолько дисциплинированными.

В сейфе не оказалось папки со старым кредитным договором. Вместо неё лежал плотный конверт с путёвкой в швейцарскую клинику. Хороший номер, вид на озеро, консультации, процедуры, полный пансион. Всё оплачено на месяц вперёд. Перелёт через три дня.

Я села за стол и тихо рассмеялась. Наверное, от нервов. А может, потому, что Григорий организовал моё изгнание с той

же основательностью, с какой когда-то планировал семейные отпуска. Только раньше он спрашивал, хочу ли я к морю.

Теперь спрашивать было необязательно.

Телефон завибрировал. Сообщение прислал муж:

«Не накручивай себя. Вечером всё объясню. Я всё устроил ради семьи».

Последнюю фразу я перечитала несколько раз. Ради семьи. Очень удобное выражение. В него можно завернуть чужую подпись, закрытый доступ и билет в один конец, а сверху повязать тёмно-синий галстук.

Я достала из нижнего ящика старый кнопочный телефон, которым пользовалась во время зарубежных поездок, и нашла визитку Матвея Корнеева. Несколько лет назад он спорил с Григорием из-за условий договора. Муж тогда назвал его неудобным и опасным человеком.

Для нынешних обстоятельств это звучало как прекрасная рекомендация.

Матвей ответил почти сразу:

— Корнеев слушает.

— Матвей Андреевич, это Елена Воронцова. Не уверена, что вы меня помните.

— Помню. Вы единственная на тех переговорах читали приложение к договору, а не делали вид.

— Сегодня этот навык снова пригодился. Мне нужно ото-

звать доверенности, заблокировать электронную подпись и проверить, какие обязательства пытаются оформить на моё имя.

Его голос сразу стал серьёзнее.

— Что уже подписано?

— Мной — ничего. Но банк почему-то одобрил поручительство, а семья решила, что лучший способ получить мою подпись это отправить меня на месяц в швейцарскую клинику.

— Вы больны?

— Пока только замужем. Но, судя по программе лечения, это считают хроническим состоянием.

Матвей коротко хмыкнул, затем спросил:

— Муж знает, что вы обнаружили документы?

— Знает, что мне пришло сообщение. О том, что я звоню вам, пока не знает.

— И не должен узнать. Ничего не подписывайте, не пользуйтесь корпоративной почтой и не отдавайте никому телефон. Я пришлю адрес. Сможете завтра утром приехать?

— Смогу.

— Тогда соберите копии договоров, выписки по совместным активам и всё, что связано с Бережными. И, Елена Сергеевна, сегодня не спорьте с мужем. Пусть думает, что вы растеряны.

Я посмотрела на путёвку.

— Боюсь, растерянной меня считают уже давно.

За окном к дому подъехал чёрный внедорожник Григория. Фары скользнули по стенам кабинета и на секунду осветили конверт с клиникой.

— Он приехал, — тихо сказала я.

— Тогда уберите документы и закончите разговор. Если почувствуете угрозу, звоните мне или в полицию. Именно в таком порядке, в каком позволит ситуация.

— А вы всегда ставите себя перед полицией?

— Нет. Только когда полиция может позвонить вашему мужу раньше, чем приедет.

Внизу открылась дверь. Через несколько секунд раздался голос Григория:

— Лена, спустись. Нам надо спокойно поговорить.

Даже из кабинета я слышала в его тоне привычное раздражение. Он уже решил, что будет говорить спокойно за нас обоих.

Я убрала путёвку обратно в сейф, закрыла дверцу и ответила Матвею.

— Похоже, начинается семейный ужин. Если завтра не приеду, ищите меня в Швейцарии. Желательно до первой процедуры.

— Приедете, — твёрдо сказал он. — Только сегодня впервые не делайте того, чего от вас ждут.

Я отключила телефон и осталась сидеть за столом. Григорий снова позвал меня, теперь громче. Раньше я бы уже спускалась, на ходу поправляя волосы и готовясь сгладить

его настроение. Но в тот вечер не двинулась с места.

Пусть подождёт.

В конце концов, он сам собирался объяснить мне, сколько от моей жизни решил мне оставить.

Глава 2

Григорий поднялся в кабинет сам. Он вошёл без стука и остановился у двери. Галстук съехал набок, верхняя пуговица рубашки была расстёгнута. От него пахло дождём и женскими духами, которыми я никогда не пользовалась.

Не доказательство, но всё же. Просто запах, которого не должно быть на воротнике женатого мужчины после тяжёлых переговоров.

— Я дважды звал тебя вниз, — произнёс он, не здороваясь. — Ты прекрасно слышала.

— Слышала. Но решила проверить, способен ли ты подняться по лестнице без одобрения совета директоров. Как видишь, эксперимент прошёл успешно.

Он не улыбнулся. Григорий вообще не любил шутки, особенно когда речь касалась его.

— Лена, давай хотя бы сегодня без твоих выпадов.

Он прошёл к окну и бросил пальто на диван. Влажная ткань блеснула под лампой, а из кармана выглянул уголок белой бумаги. Я заставила себя не смотреть туда слишком долго.

— Банк прислал сообщение о поручительстве, — напомнила я. — На моё имя. Мне хотелось бы понять, когда именно я успела его дать.

— Я уже объяснил, что финансовый отдел допустил ошибку.

— Очень творческий у нас финансовый отдел. Оформил обязательство на жену владельца и забыл сообщить самой жене.

Григорий устало потёр переносицу, словно это я навесила на него многомиллиардный долг, а теперь мешала спокойно переварить новость.

— Это временное обеспечение сделки. Тебе ничего не грозит.

— Тогда почему ты не сказал мне заранее?

— Потому что знал, как ты отреагируешь. Ты бы начала задавать вопросы, тревожиться, мешать работе.

— И ты решил убрать подальше самую неприятную часть сделки — моё мнение.

Он повернулся ко мне. Лицо осталось спокойным, но нижняя челюсть напряглась. Этот признак я знала хорошо, ещё немного, и Григорий начнёт объяснять мне мою же жизнь.

— Ты всё принимаешь на свой счёт, Лена. Последние месяцы ты сама на себя не похожа. Устала, плохо спишь, стала подозрительной.

— А на кого мне следует быть похожей, чтобы снова получить доступ к семейным финансам?

— Не передёргивай. Никто тебя ни от чего не отстраняет.

Вот и весь диагноз. Если я задавала вопросы, значит, переутомилась. Если отказывалась подписывать бумаги, то нервничала. Если хотела участвовать в работе холдинга, который когда-то собирала вместе с ним буквально по счетам и накладным, мне срочно требовался отдых. Удобная болезнь, лечится полным молчанием пациента.

Григорий смягчил голос:

— Клиника уже оплачена. Месяц у озера, хорошие врачи, процедуры. Ты выспишься, придёшь в себя. Тебе это действительно нужно.

— А ваша сделка за этот месяц спокойно закроется.

Он выдержал паузу.

— Сделка состоится в любом случае.

— Тогда зачем банку моя подпись?

— Таковы требования кредиторов. Обычная формальность.

— Формальность на несколько миллиардов почему-то оформлена на меня, а обсуждают её все, кроме меня. Даже для нашей семьи это немного странно.

— Лена, хватит цепляться к каждому слову. Я стараюсь сделать так, чтобы тебе не пришлось обо всём этом думать.

— Я двадцать лет думала обо всём этом вместе с тобой. Или у меня задним числом обнаружилась аллергия на наш бизнес?

Он долго смотрел на меня, пытаясь понять, сколько я уже

знаю. Я первой опустила глаза. Не потому, что испугалась. Просто мне было выгодно, чтобы он именно так решил.

— Хорошо, — сказала я тише и прижала пальцы к виску. — Давай поговорим завтра. У меня болит голова.

Напряжение в его плечах сразу ослабло.

— Вот видишь. Тебе нужно отдохнуть. Я знал, что ты всё поймёшь.

За двадцать два года брака я научилась различать благодарность и облегчение. Сейчас он не был благодарен. Он радовался, что неисправная жена снова заработала в штатном режиме.

Григорий наклонился, поцеловал меня в висок и вышел. Пальто осталось на диване.

Я дождалась, пока его шаги стихнут в коридоре, и подошла к окну. Во дворе зажглись фонари. Чёрный внедорожник стоял у крыльца, мокрый и блестящий. В нём было больше честности, чем в его владельце. Машина хотя бы не притворялась семейной ценностью.

Белый уголок всё ещё торчал из кармана пальто. Я вытащила бумагу двумя пальцами.

Чек из ювелирного бутика.

Сумму пришлось перечитать. За такие деньги можно было купить не просто украшение, а очень убедительное доказательство серьёзных намерений. Или небольшую квартиру, если намерения были не настолько серьёзными.

Дата стояла за прошлый четверг.

В тот вечер Григорий написал, что переговоры с инвесторами затянулись и он останется ночевать в городе. Я ответила, что распоряжусь насчёт ужина и велю отнести выглаженные рубашки в гардеробную. Образцовая жена обслуживала чужой роман по высшему разряду. Оставалось только приложить открытку: «Счастья вам в новой корпоративной структуре».

В чеке значился браслет из белого золота с бриллиантами. Я браслетов не носила, они мешали печатать и цеплялись за рукава. Григорий это знал. На прошлую годовщину он подарил мне кухонный комбайн.

— Ты уверен, что это подарок мне? — спросила я тогда.

— Ты же постоянно жаловалась на старый.

На старый жаловалась домработница. Но в нашей семье женский голос давно шёл общим пакетом, без указания владельца.

Я вернула чек точно на место и даже оставила уголок снаружи. Потом пошла в спальню. Григорий принимал душ, а его телефон лежал на тумбочке экраном вниз.

Раньше дома он так его не клал.

Я ввела привычный пароль — день рождения Кирилла. Система выдала «Неверный код».

Попробовала дату основания холдинга. Григорий считал этот день началом настоящей жизни и отмечал его охотнее, чем годовщину свадьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.